

Рец. на кн.: CHARLES STÉPANOFF. *VOYAGER DANS L'INVISIBLE: TECHNIQUES CHAMANIKES DE L'IMAGINATION.*

Paris: La Découverte, 2019. 464 p. [CHARLES STÉPANOFF. *JOURNEYS INTO THE INVISIBLE: SHAMANIC TECHNOLOGIES OF THE IMAGINATION* / Trans. by Matthew E. Evans.

Chicago, IL: HAU Books, 2025. 343 p.].

Марина Валентиновна Хаккарайнен

Независимый исследователь

Хельсинки, Финляндия

Санкт-Петербург, Россия

marina.hakkarainen@gmail.com

Аннотация: Рецензируемая книга французского антрополога Шарля Степановфа вполне может быть названа панорамой шаманизма. Используя старые этнографические материалы, которые были собраны больше чем за сто лет и проблематика которых в этнографической традиции вроде бы устоялась, автор переосмысляет их в новых терминах управления воображением и межвидовой коммуникации. Тем самым он выводит проблематику шаманских ритуальных практик и атрибутов шаманов на новый уровень понимания культур народов Сибири, в русле идей антропологии множественных онтологий. Вместе с тем созданная им этнографическая панорама статична. Она замкнута в этнографическом нарративе колониальной эпохи и не учитывает исторических реалий того времени. Тем самым работа Степановфа экзотизирует коренные народы Сибири и укрепляет образ «другого», навязанный нам просветительским рационализмом, романтизмом и другими идеологиями старого времени.

Ключевые слова: шаманизм, народы Сибири, шаманские ритуалы, межвидовая коммуникация.

Для ссылок: Хаккарайнен М. Рец. на кн.: Charles Stépanoff. *Voyager dans l'invisible: Techniques chamaniques de l'imagination.* Paris: La Découverte, 2019. 464 p. [Charles Stépanoff. *Journeys into the Invisible: Shamanic Technologies of the Imagination* / Trans. by Matthew E. Evans. Chicago, IL: HAU Books, 2025. 343 p.] // *Антропологический форум.* 2025. № 66. С. 277–287.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-66-277-287

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/066/hakkarainen.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2025, NO. 66

A Review of CHARLES STÉPANOFF, *VOYAGER DANS L'INVISIBLE: TECHNIQUES CHAMANIKES DE L'IMAGINATION.*

Paris: La Découverte, 2019, 464 p. [CHARLES STÉPANOFF, *JOURNEYS INTO THE INVISIBLE: SHAMANIC TECHNOLOGIES OF THE IMAGINATION*, trans. by Matthew E. Evans. Chicago, IL: HAU Books, 2025, 343 p.].

Marina Hakkarainen

Independent researcher

Helsinki, Finland

St Petersburg, Russia

marina.hakkarainen@gmail.com

Abstract: The book under review, by the French anthropologist Charles Stépanoff, could be described as a panorama of shamanism. On the basis of old ethnographic material collected over a hundred years, the author rethinks the problems of the ethnographic tradition that seem to have become established in new terms: of the control of the imagination and of interspecies communication. In this way, he brings the problem of shamanic ritual practices and the attributes of shamans to a new level of understanding of the culture of the peoples of Siberia, in line with the ideas of the anthropology of multiple ontologies. At the same time, the ethnographic panorama he creates is static. It is encapsulated in the ethnographic narrative of the colonial period and does not correspond to the historical realities of the time. Moreover, Stépanoff's work exoticises the indigenous peoples of Siberia, using the image of the "other" dictated to us by Enlightenment rationalism, romanticism, and other ideologies of the past.

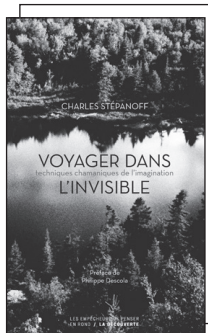
Keywords: shamanism, Siberian peoples, shamanic rituals, interspecies communication.

To cite: Hakkarainen M., 'A Review of Charles Stépanoff, *Voyager dans l'invisible: Techniques chamaniques de l'imagination.* Paris: La Découverte, 2019. 464 p. [Charles Stépanoff, *Journeys into the Invisible: Shamanic Technologies of the Imagination*, trans. by Matthew E. Evans. Chicago, IL: HAU Books, 2025. 343 p.], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 66, p. 277–287.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-66-277-287

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/066/hakkarainen.pdf>

Рец. на кн.: **Charles Stépanoff**. *Voyager dans l'invisible: Techniques chamaniques de l'imagination*. Paris: La Découverte, 2019. 464 p. [**Charles Stépanoff**. *Journeys into the Invisible: Shamanic Technologies of the Imagination* / Trans. by Matthew E. Evans. Chicago, IL: HAU Books, 2025. 343 p.]

Рецензируемая книга французского антрополога Шарля Степановфа вполне может быть названа панорамой шаманизма. Используя старые этнографические материалы, которые были собраны больше чем за сто лет и проблематика которых в этнографической традиции вроде бы устоялась, автор переосмысляет их в новых терминах управления воображением и межвидовой коммуникации. Тем самым он выводит проблематику шаманских ритуальных практик и атрибутов шаманов на новый уровень понимания культур народов Сибири, в русле идей антропологии множественных онтологий. Вместе с тем созданная им этнографическая панорама статична. Она замкнута в этнографическом нарративе колониальной эпохи и не учитывает исторических реалий того времени. Тем самым работа Степановфа экзотизирует коренные народы Сибири и укрепляет образ «другого», навязанный нам просветительским рационализмом, романтизмом и другими идеологиями старого времени.

Ключевые слова: шаманизм, народы Сибири, шаманские ритуалы, межвидовая коммуникация.

Шаманизм и шаманы давно вызывают интерес как профессионалов, так и широкой публики своей загадочностью и обещанием человеческого потенциала за пределами рациональности. Представляя себе шаманов, мы думаем об их умении предсказывать будущее, лечить болезни, обеспечивать удачу в охоте и других делах. Мы также представляем себе их способности общаться с духами и с помощью ритуалов договариваться о благосклонности с высшими силами. В этих умениях видятся забытые современными людьми системы реализации психических и физических свойств человека, навык жить в ладу с коллективом, природой и собой. Вероятно, поэтому о шаманизме и шаманах написано множество книг — популярных и научных. Казалось бы, что можно еще сказать о шаманах и шаманизме после работ Богораза и Широкогорова, Элиаде и Кастанеды? И тем не менее интерес к шаманам и шаманизму не угасает, очередным доказательством чему стала изданная в 2019 г.

Марина Валентиновна Хаккарайнен
Независимый исследователь,
Хельсинки, Финляндия /
Санкт-Петербург, Россия
marina.hakkarainen@gmail.com

книга “*Voyager dans l’invisible. Techniques chamaniques de l’imagination*” французского антрополога Шарля Степановфа (Charles Stépanoff) с предисловием Филиппа Дескола. В 2025 г. в издательской серии HAU Books выходит и английский перевод. На сегодня Степановф — автор множества статей и четырех книг, в которых развивает идеи в рамках экологической антропологии: «Шаманизм, ритуал и познание среди тувинцев Южной Сибири» [Stépanoff 2014]; «Путешествуя внутри невидимого. Шаманские техники воображения» (2019); «Смерть животного. Охота, современность и кризис дикой природы» [Stépanoff 2021] и «Привязанности. Изучение наших связей за пределами человеческого» [Stépanoff 2024].

“*Voyager dans l’invisible*” — вторая книга Степановфа. Она вполне может быть названа панорамой шаманизма, так как представляет и анализирует обширный пространственно-временной пласт ритуальных реалий коренных народов, живших в Сибири и за ее пределами. Используя старые этнографические материалы, собранные больше чем за сто лет, проблематика которых уже как будто устоялась в этнографической традиции, Степановф переосмысляет их в новых терминах управления воображением и межвидовой коммуникации с невидимым. Тем самым он выводит эту проблематику на новый уровень понимания культур народов Сибири, в русле идей антропологии множественных онтологий Ф. Дескола и Э. Вивейруша де Кастру.

Название книги можно перевести как «Путешествуя внутри невидимого. Шаманские техники воображения». Подзаголовок перефразирует название другой франкоязычной работы — «Шаманизм. Архаические техники экстаза» религиоведа Мирчи Элиаде [Элиаде 2000 (1951)]. Книга Элиаде, надолго определившая в широких читательских кругах отношение к шаманизму как к экстатической религии, показала панораму ритуальных практик шаманов Сибири (и не только). Степановф критикует своего предшественника за то, что тот сводил шаманизм к техникам изменения состояния сознания, что для шамана важно далеко не всегда. Для самого Степановфа искусство шамана заключается прежде всего в умении контролировать ментальные образы. И все-таки названием своей книги он подчеркивает преемственность с работой Элиаде: в центре внимания также оказываются особые шаманские практики.

Кроме предисловия, введения и заключения, которые вводят читателя в проблематику антропологического изучения шаманизма и подводят итоги работы, в книге три основные части — «Путешествуя силой мысли» (“*Voyager en esprit*”), «Технологии воображения и иерархии» (“*Technologies de l’imagination*”

et hiérarchie”) и «Великая экспансия иерархии» (“La grande expansion de la hiérarchie”).

В первой части Степановф, взяв за отправную точку совершаемые шаманами виртуальные полеты в невидимый мир, рассуждает о способности человека к воображению. В рамках дискуссии об отношениях между воображением и действительностью автор показывает, что в западной традиции они оказались противопоставлены. Обращаясь к пониманию сновидений в философии, науке и литературе от Аристотеля до Декарта, от Фрейда до Сартра и Пиаже и т.д., Степановф подводит читателя к выводу, что в европейском понимании определяющая разница между реальностью и фантазиями пролегает между бодрствованием и сном. Бодрствование человека по отношению к индивиду внешнее и коллективно верифицируемое, в то время как сон остается воображаемым, индивидуальным и внутренним опытом. В сознании западного человека они разграничены. Автор критикует евроцентризм тех антропологов, которые по умолчанию исходят из своего, западного, понимания реальности, не проблематизируя ее относительность. Между тем представления о том, что в изучаемых европейцами сообществах является реальностью, а что плодом воображения, по мнению автора, уходят корнями в один из режимов воображения, принадлежащих современному западному обществу. Степановф предлагает задуматься над вопросом, могут ли антропологи судить о степени реальности чего-либо, возводя себя на место Абсолюта. Не является ли определение реального и воображаемого просто-напросто проявлением их этноцентризма?

Другой вопрос, который поднимает Степановф, — о роли воображения в повседневности современных западных людей. Он показывает, что каждый день нам приходится принимать бесконечное количество решений, симулируя в своей голове наши действия и их последствия, т.е. нам часто приходится мысленно переноситься в будущее, мобилизуя воображение. Иными словами, мы используем наше воображение в своей жизни гораздо шире, чем привыкли считать. Активность воображения — органическая часть нашей жизни и результат эволюции человека. В эволюционной перспективе когнитивные процессы *Homo erectus* имели значение для любой созидательной деятельности. Особенно это относилось к охоте. Планируя охоту, человек должен был находиться в эмпатическом контакте с животным — парадоксальным образом сопереживать своей добыче. Для этого ему приходилось совершать мысленные путешествия в будущее, а также уметь придавать нечеловеческим существам ментальную жизнь и социальность, подобную человеческой. Поскольку выживание зависело от успешной охоты, для чего нужно было ежедневно отслеживать добычу, было

важно уметь погружаться в субъектность (*subjectivité*) животного. Это умение автор называет «анимистической онтологией». Именно воображение, по мнению автора, и позволяло людям создавать связь с нечеловеческими мирами и сущностями. И в этом смысле все мы имеем потенцию быть шаманами. Однако одни сообщества культивируют эти способности, а другие их игнорируют.

Размышляя над способностью человека к воображению, автор задумывается над тем, как воображение функционирует в рамках шаманистских традиций, в которых диссоциация между «я» шамана и его путешествующим двойником является отточенным способом возможности быть и «здесь» — в месте ритуала, и «там» — в шаманском полете (Р. 43). Для этого он предлагает читателю посмотреть на действительность шаманистов как на мир видимый, с одной стороны, и мир невидимый, в котором воображение членов сообществ проявляется особым образом, — с другой. К невидимому относятся хозяева мест, живущие в значимых точках ландшафта — в горах и на реках, духи людей и животных. Невидимые обитатели окружающей среды требуют к себе от людей уважения под страхом болезни. Поэтому умение воспринимать невидимую реальность является для сибирских коренных сообществ необходимостью, хотя распределено между их членами неравномерно. И, в отличие от современных наследников западной философской традиции, где воображаемое и реальность разъединены, в культурах народов Сибири невидимое играет первостепенную роль в отношениях людей и нечеловеческих существ и потому принципиально для экологического сознания.

Итак, шаманизм — культура контролируемых ментальных образов, а шаманы — люди, которые видят то, чего не видят другие. Что известно о шаманах? Шаман — это человек, у которого есть компетенция проводить шаманские ритуалы и таким образом посредничать между своим сообществом и невидимым миром духов и богов, образуя триаду «мир духов — посредник — мир людей». Шаман взаимодействует с духами на своих условиях, чего не могут делать обычные люди. Автор мысленно пересекает всю Сибирь, чтобы познакомить читателя с тем, как разные народы говорят о своих шаманах. В этих свидетельствах шаманы предстают как искусные в техниках создания воображаемых, несенсорных образов. Чтобы уйти от сенсорного восприятия, они прибегают к разным способам. И они не отделяют физическое от ментального: шаманские особые способности являются неотъемлемой частью шамана — они встроены в его/ее тело, которое включается в ритуал и представляет собой место обмена между человеческим и нечеловеческим мирами. Телесность шамана отличается от телесных свойств других людей. Напри-

мер, в некоторых традициях считается, что у шамана белые или чистые кости, что у него внутри есть кость с отверстием, через которую он может видеть, т.е. шаман открыт для невидимого и телесно. В свете этого шаманов, прокалывающих себя острыми предметами, о которых осталось много свидетельств в старой этнографии, стоит рассматривать не столько как показывающих цирковой трюк, сколько как демонстрирующих символическую проницаемость, открытость своего тела. Автор обращает внимание на то, что в сообществах шаманистов существуют представления о животных и растениях, тоже могущих быть шаманами. Таким образом, шаманы имеют индивидуальные особенности — «механизмы, обнаруживающие (их) сингулярность»: каждый из них отличается от другого. Одновременно шаманы имеют возможность преодолевать границы видов и обладают межвидовой солидарностью, которую автор, вслед за Вивейрушем де Кастру [Вивейруш де Кастру 2017 (2009)], называет транс-сингулярностью.

Описывая шаманские ритуалы «в темном чуме» (*la tente sombre*) и «в светлом чуме» (*la tente claire*), автор представляет читателю два типа шаманизма. Ритуалы первого типа представляют собой техники общения с невидимым и получения предсказаний, посредством которых шаман помогает людям установить контакт, доверие и сотрудничество с духами и животными напрямую. Этот тип общения с невидимым распространен к востоку от Уральских гор и выходит за пределы Азии на восток, в Америку. Напротив, в «светлом чуме» шаманский ритуал выглядит как богато обставленное ритуальное действие, в центре которого находится сам шаман. По сравнению с «темным чумом» такое действие централизовано, имеет четкую структуру и маршруты. Шаман является проводником и посредником, без которого нельзя обойтись. Эти ритуалы характерны для Южной Сибири. Два разных «чума» демонстрируют и два отношения к невидимому, эгалитарное и иерархическое; спонтанное и подготовленное общение. Таким образом, Степанов переосмысляет шаманизм, который исследователи прошлого века условно делили на «семейный» и «профессиональный»: он называет первый «гетерархическим» и второй «иерархическим», что, безусловно, точнее характеризует эти два типа отношений внутри сообществ.

Во второй части, озаглавленной «Технологии воображения и иерархии», Степанов внимательно рассматривает иерархический шаманизм, его инструменты и техники. Основой служат ранее опубликованные материалы о шаманах, их ритуальной атрибутике и ритуалах, комментируемые автором с точки зрения той мобилизации воображения и общения с невидимым, которые при помощи шамана переживает коллектив. Как

пишет автор, иерархический шаманизм создает для шамана двойное представительство: шаман, с одной стороны, представляет обычных людей в переговорах с духами, с другой стороны, передает людям то, о чем сообщают им духи. Шаману делегировано право проводить ритуалы, которые и позволяют этому шаманскому представительству осуществляться. Ритуалы образуют место коллективного опыта коммуникации с невидимым, где пространства — людей и нечеловеческих существ — пересекаются. Далее автор рассматривает техники мобилизации воображения, которые позволяют участникам ритуала преодолевать пространственную разность видимого и невидимого. Для этого он обращается к анализу элементов и атрибутов шаманских ритуалов, в этнографии хорошо известных: шаманским виртуальным путешествиям, бубну и костюму, — а также описывает технологии пространства и взаимоотношения с медведем.

Детальное рассмотрение технологий воображения и иерархии Степанофф начинает с «космического пути» кетов. Вселенная кетов — это ритуалы, в которых сочетаются черты «темного» и «светлого чума», т.е. гетерархического и иерархического шаманизма. Она включает в себя богатую иконографию разнонаправленных логик и искусство шаманских образов, связанных с окружающим природным миром. Автор обращает особое внимание на противостояние полов, которое персонифицируется в мифологии, и на примере материалов XX в. по этнографии кетов показывает, как оно проецируется на географические представления и проявляется в разных сферах жизни. Особого внимания заслуживает орнамент: по мнению Степаноффа, орнаментальные ризомы, символизирующие женское и мужское начала, создают пространство по гетерархическому принципу «темного чума». Такой же дуализм мужского и женского можно обнаружить и в оформлении жилища. Напротив, изображения на шаманских бубнах следуют принципу «светлого чума» — автор подробно описывает их богатую ритуальную иконографию, увязывая ее с мифологией и представлениями кетов об устройстве мира. В устройстве этой модели присутствует символика семи небесных кругов, а в центре вселенной стоит человек. Это хорошо видно в шаманском ритуале, в котором борьба полов нивелируется, а на первый план выходит единство сообщества и центральная роль шамана, что, по мнению Степаноффа, служит выражением ритуальной триады, свойственной иерархическому типу шаманизма. В доказательство автор приводит сценарий ритуала шаманского путешествия, указывая на пересечение визуальных образов с музыкальными и речевыми практиками. Движения шамана, его костюм и место, занимаемое им в чуме, дают остальным участникам ритуала подсказки для

понимания шаманского космического путешествия. Бубен в этом смысле представляет собой карту шаманского пути или мнемонический инструмент. У кетов, как и у других сибирских народов, разные мнемонические предметы помогают шаману ориентироваться в его путешествии — находить дорогу, место и время в ритуале и в невидимом пространстве.

Бубну Степанофф отводит первостепенную роль в общении с невидимым, особенно в иерархическом шаманизме. У разных народов бубен мыслится по-разному — баркой, конем, оленем, предком, и одновременно он представляет собой мироздание, сгусток отношений, которые невозможны в обычной жизни, но возможны в ритуале. Бубен воплощает в себе людей, а также животных и растения, которые участвуют или используются в его создании. В этом процессе автор видит соблюдение принципа транс-сингулярности и межвидовой солидарности. После изготовления бубен проходит обряд оживления и становится опасным для всех, кроме своего владельца-шамана. Во временной перспективе он воплощает преемственность поколений — от шамана-предка до шамана, живущего ныне. Оживший, он становится посредником для сообщений, приходящих от духов. Иконография бубна, по мнению автора, это резервуар образов, которые не являются абстрактными метафорами, но ориентируют шамана в его ритуальных движениях и восприятии своего тела. Таким образом, бубен предстает как пространственно-временной интерфейс, который моделирует связи между многими измерениями — межвидовыми, временными и сенсорными, объединяющими в единое целое телесный опыт и виртуальное пространство. Бубен, тело шамана и его моторика, жилище и виртуальное пространство путешествий коррелируют между собой.

По-своему Степанофф интерпретирует и костюм шамана, смещая фокус с «идеологии» или картины мира шаманистов на те технологии воображения, которые шаман использует, чтобы действовать в невидимом пространстве. Шаманский костюм характерен для иерархического шаманизма, в котором он является эмблемой иерархии и служит отличительным атрибутом ритуального специалиста, указывающим на его личный путь. Верхнюю часть костюма, закрывающую глаза шамана и тем самым его зрение вовне, автор называет «окном визуализации» (*la fenêtre de l'imagerie*), при помощи которого шаман попадает в мир сенсорно непроявленного в обыденной жизни. Таким образом, костюм позволяет шаману перемещаться между пространствами. Кроме этого, костюм обозначает специфическую открытую телесность шамана с его особым скелетом, телом, изоморфным животным, и особым зрением, знаком которого в костюме выступают дополнительные глаза. Как и бубен,

костюм координирует сразу несколько «регистров», к которым шаман обращается в своем ритуале. На примере функционирования дискурсивного, кинетического и материального регистров в шаманском костюме Степанофф также рассматривает ритуальные технологии воображения якутских шаманов, подробно разбирая, как функционируют вместе дискурсивный, кинетический и материальный векторы в шаманском костюме, как костюм помогает преодолевать и конструировать пространство ритуала, как в соответствии с мифологией происходит «космическая хореография» шаманского представления. В итоге автор показывает комплексность и мультимодальность шаманских ритуалов.

Вторая часть книги заканчивается главой, посвященной взаимоотношениям шаманистов с медведем — охоте и медвежьим ритуалам, в которых охота на медведя предстает как обмен дарами между медведем и человеком. Как известно, от дара нельзя отказываться и дар нельзя не возмещать [Мосс 1996]. Таким образом, медведь и человек осуществляют самую суть социальных отношений — обмен дарами. Это обстоятельство дает автору возможность переопределить отношения медведя и человека в терминах межвидовой коммуникации [Дескола 2012 (2006); Вивейруш де Кастру 2017]. Медвежий праздник показывает медведя как обладающего душой и социальностью: медведь одновременно и угощающий, и угощаемый. Он и похож на человека, и не похож, и тем самым занимает промежуточное положение в иерархии существ, имея тело животного и душу человека.

В третьей части книги прослеживаются пути иерархического шаманизма на территории Сибири. На примере юкагиров автор показывает, как под влиянием окружающего населения могли меняться их практики — от гетерархических к иерархическим. Юкагирский шаманизм имел, по мнению автора, много иерархических черт — шаманство было наследственным, имелся культ предков-шаманов. Однако черты гетерархии и иерархии сменялись сезонно. Традиции, заимствованные у тунгусов, сосуществовали со своими старыми, но в конце концов были вытеснены иерархическими практиками и атрибутами под влиянием тунгусов и якутов. Иерархический шаманизм, пишет Степанофф, как более мобильный и престижный, быстро захватил пространство. Свойственная ему иерархичность была более понятна и пришлому населению, которое ее поддерживало. Таким образом, общение с невидимым на значительной части северных территорий было делегировано специалистам.

Вклад коллектива в профессионализацию шамана, а также приобретение для него шаманских атрибутов можно рассматривать как инвестицию в обеспечение благополучия. С этой точки

зрения «оживление» бубна оказывается церемониальным заключением договора между коллективом и ритуальным специалистом. Однако без определенного материального достатка у сообщества вряд ли были возможности содержать профессионального ритуального специалиста. Профессионализация, с одной стороны, выводит шамана из эффективной хозяйственной деятельности и, с другой стороны, создает высокие стандарты в его деятельности как специалиста. У ставшего шаманом появляется долг перед коллективом: обязательства шамана автор сравнивает с устройством матримониальных выплат жениха семье невесты. Одновременно сообщество берет под контроль деятельность шамана, включая регламентацию его воображения. Почему иерархический шаманизм оказался так важен и успешен? Степановф утверждает, что так устанавливаются взаимные обязательства между коллективом и шаманом. Но, хотя и объясняя это явление частично в экономических терминах, автор полагает, что такие творческие режимы нельзя свести только к производным от экономической и социальной структуры. Ссылаясь на Ф. Дескола [Дескола 2012] и Э. Вивейруша де Кастру [Вивейруш де Кастру 2017], автор обращается к анимистическим онтологиям как средству, регулирующему отношения между видимым и невидимым.

И наконец, в заключении книги Степановф сравнивает людей, сидящих за компьютером и играющих в видеоигры, и шаманов, но не современных, а из этнографического нарратива столетней давности, что само по себе кажется недостаточно обоснованным. По мнению автора, у них много общего, но воображение последних выгодно отличается от воображения первых своей агентивностью. Воображение же современного человека при сравнении оказывается как будто бы неполноценным. Между тем не будет преувеличением предположить, что сегодня шаманы и шаманисты — современные люди и тоже садятся за компьютер. Они не изолированы от современной жизни, пользуются новыми технологиями и участвуют в экологических кризисах. Они, как и все остальные, включены в современные практики воображения. Что мы можем сказать об их воображении сегодня?

Подводя итог, “*Voyager dans l'invisible*”, безусловно, можно рекомендовать всем интересующимся шаманизмом и шаманами. Книга предлагает читателю любопытную концепцию, разработанную на основе обширного материала — мифов, исторических свидетельств, географических и демографических сведений, текстов и описаний ритуалов, собранных в единое целое из разрозненных источников. Впрочем, у книги есть существенные ограничения. Корпус материалов кажется статичной и изолированной «вещью в себе», чей порядок определен внутренними культурными и психическими процессами шаманистов и вы-

веден из исторического контекста. Между тем стоит учитывать, что он замкнут временными рамками XVIII–XIX и начала XX в., когда взгляд европейцев на жителей Сибири был обусловлен сентиментами колониальной эпохи — просветительским рационализмом, романтизмом, народничеством (см.: [Znamenski 2007]). В это время в Сибири происходили серьезные политические, социальные и культурные изменения. Этнографический нарратив того времени формировал из коренных народов Сибири образ «другого», согласно теории эволюционизма подчеркивая его отсталость и экзотизируя его. Корпус текстов, взятых в работу автором книги, репрезентирует этот нарратив в полной мере. И к сожалению, достоинства особого культурно обусловленного воображения народов Сибири по сравнению с возможностями западного воображения (а Степанов все-таки противопоставляет их друг другу) не могут преодолеть этой иерархии и этого разрыва в книге. Однако как только мы выходим за пределы этого корпуса материалов, мир шаманов и шаманистов оказывается иным — чрезвычайно динамичным. Мы можем видеть, что только за последние 30 лет произошли кардинальные изменения в жизни сибирских народов. В одних локальных общностях шаманов, действующих в пользу своего сообщества, можно обнаружить теперь только в мире мертвых, некоторые шаманы переместились в города, и многие объединились в шаманские организации и союзы, так что их договор с коллективом поменял свои основания.

Библиография

- Вивейруш де Кастру Э.* Каннибальские метафизики: Рубежи постструктурной антропологии / Пер. Д. Кралечкина. М.: Ad Marginem, 2017 [2009]. 199 с.
- Дескола Ф.* По ту стороны природы и культуры / Пер. О. Смолицкой, С. Рындина. М.: НЛО, 2012 [2006]. 584 с.
- Мосс М.* Очерк о даре: форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996. С. 83–217.
- Элиаде М.* Шаманизм: архаические техники экстаза / Пер. К. Богущкого, В. Трилиса. Киев: София, 2000 [1951]. 480 с.
- Stépanoff Ch.* Chamanisme, rituel et cognition: chez les Touvas de Sibérie du Sud. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2014. 413 p.
- Stépanoff Ch.* L'animal et la mort: chasses, modernité et crise du sauvage. Paris: La Découverte, 2021. 384 p.
- Stépanoff Ch.* Attachements: Enquête sur nos liens au-delà de l'humain. Paris: La Découverte, 2024. 631 p.
- Znamenski A.* The Beauty of the Primitive: Shamanism and the Western Imagination. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. 434 p.

Марина Хаккарайнен

A Review of Charles Stépanoff, *Voyager dans l'invisible: Techniques chamaniques de l'imagination*. Paris: La Découverte, 2019, 464 p. [Charles Stépanoff, *Journeys into the Invisible: Shamanic Technologies of the Imagination* / Trans. by Matthew E. Evans. Chicago, IL: HAU Books, 2025, 343 p.]

Marina Hakkarainen

Independent researcher

Helsinki, Finland / St Petersburg, Russia

marina.hakkarainen@gmail.com

The book under review, by the French anthropologist Charles Stépanoff, could be described as a panorama of shamanism. On the basis of old ethnographic material collected over a hundred years, the author rethinks the problems of the ethnographic tradition that seem to have become established in new terms: of the control of the imagination and of interspecies communication. In this way, he brings the problem of shamanic ritual practices and the attributes of shamans to a new level of understanding of the culture of the peoples of Siberia, in line with the ideas of the anthropology of multiple ontologies. At the same time, the ethnographic panorama he creates is static. It is encapsulated in the ethnographic narrative of the colonial period and does not correspond to the historical realities of the time. Moreover, Stépanoff's work exoticises the indigenous peoples of Siberia, using the image of the "other" dictated to us by Enlightenment rationalism, romanticism, and other ideologies of the past.

Keywords: shamanism, Siberian peoples, shamanic rituals, interspecies communication.

References

- Descola P., *Par-delà nature et culture*. Paris: Gallimard, 2006, 640 p.
- Eliade M., *Le Chamanisme et les techniques archaïques de l'extase*. Paris: Payot, 1951, 447 p.
- Mauss M., 'Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques', *L'Année sociologique*, 1923–1924, vol. 1, p. 30–186.
- Stépanoff Ch., *Chamanisme, rituel et cognition: chez les Touvas de Sibérie du Sud*. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2014, 413 p.
- Stépanoff Ch., *L'animal et la mort: chasses, modernité et crise du sauvage*. Paris: La Découverte, 2021, 384 p.
- Stépanoff Ch., *Attachements: Enquête sur nos liens au-delà de l'humain*. Paris: La Découverte, 2024, 631 p.
- Viveiros de Castro E., *Métaphysiques cannibales. Lignes d'anthropologie poststructurale*. Paris: Presses Universitaires de France, 2009, 216 p.
- Znamenski A., *The Beauty of the Primitive: Shamanism and the Western Imagination*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007, 434 p.